

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-408-426

EDN: JFYOWB

УДК 316.61

Исследовательская статья

Проницаемость социальных границ для русских на постсоветском пространстве: роль социальных идентичностей и воспринимаемой безопасности

М.А. Бульцева¹, А.С. Берберян², С.А. Берриос Кальехас¹¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация²Российско-Армянский (Славянский) университет,
Ереван, Республика Армения mbultseva@hse.ru

Аннотация. Русские являются одним из самых многочисленных этнокультурных меньшинств на постсоветском пространстве, вопрос их инклюзии в общество принимающих стран не теряет свой актуальности. Поэтому в фокусе данного исследования находится взаимосвязь воспринимаемой безопасности и социальных идентичностей (гражданской, этнической и европейской) с воспринимаемой проницаемостью социальных границ для русских в Армении, Казахстане, Эстонии и Кыргызстане. Исследование имеет кросс-секционный дизайн. Сбор данных был проведен онлайн на выборках русских данных стран (общее количество $N = 765$: 145 русских в Армении, 133 русских в Казахстане, 186 русских в Эстонии, 300 русских в Кыргызстане) при помощи шкал этнической идентичности, гражданской идентичности и воспринимаемой безопасности из опросника международного проекта MIRIPS, шкалы европейской идентичности, разработанной К. Велковой, и шкалы проницаемости социальных границ М. Рамоса и соавторов. Чтобы проверить гипотезу и найти ответ на исследовательский вопрос, были построены путевые модели. Анализ регрессионных коэффициентов, а также прямых и непрямых эффектов в путевых моделях продемонстрировал универсальную позитивную взаимосвязь между воспринимаемой безопасностью и воспринимаемой проницаемостью социальных границ для русских. Инклюзивность или эксклюзивность конкретной идентичности является культурно-специфической. Гражданская идентичность способствует воспринимаемой проницаемости границ в Армении, Казахстане и Кыргызстане. Европейская идентичность препятствует воспринимаемой проницаемости границ в Казахстане. Этническая идентичность способствует воспринимаемой проницаемости границ в Казахстане и препятствует в Эстонии (на уровне тенденции). В ряде стран были обнаружены значимые медиационные эффекты этнической (Эстония), гражданской (Казахстан и Армения) и европейской (Казахстан) идентичностей. Результаты обсуждаются в связи со структурными характеристиками социокультурных контекстов изучаемых стран. Делается вывод о том, что воспринимаемая безопасность сказывается на инклюзивности контекста в комплексе с социальными идентичностями, в зависимости от особенностей социокультурного контекста.

Ключевые слова: проницаемость социальных границ, этническая идентичность, гражданская идентичность, европейская идентичность, воспринимаемая безопасность, Кыргызстан, Казахстан, Эстония, Армения, русские, постсоветское пространство

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

© Бульцева М.А., Берберян А.С., Берриос Кальехас С.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Культурное разнообразие в обществе актуализирует вопрос его инклюзивности для мигрантов и этнических меньшинств. Это связано не только с вопросами сплоченности общества и благоприятности межкультурных отношений, но и того, будут ли культурные различия восприниматься как благо и ресурс, или служить источником раздора и поляризации в обществе. Позитивные стороны культурного разнообразия в наибольшей степени реализуются в инклюзивных обществах, а его угрозы — в исключаяющих обществах (ММ, 2019).

После распада Советского Союза новые независимые государства активно формировали собственные социальные политики, которые позволяют отнести данный регион преимущественно к типу «национализирующих государств». Считается, что в обществах такого типа регулирование межкультурных отношений опирается на принципы ассимиляции, что означает отказ меньшинств от своих культурных традиций в пользу культуры большинства (Летняков, 2019).

Высокой актуальностью обладает проблема инклюзивности общества в странах постсоветского пространства для русского этнического меньшинства, как одного из наиболее представленных в регионе. Научную проблему данного исследования составляет недостаточная изученность социально-психологических факторов, способствующих или препятствующих инклюзивности контексте для русских на постсоветском пространстве. Чтобы заполнить этот пробел в научном знании, мы рассматриваем инклюзивность общества через воспринимаемую проницаемость социальных границ для русских в четырех странах постсоветского пространства (Армения, Казахстан, Эстония и Кыргызстан), а в качестве факторов, ее определяющих, изучаем воспринимаемую безопасность и социальные идентичности, которые могут взаимодействовать между собой. Поэтому **целью исследования** является выявление роли социальных идентичностей во взаимосвязи воспринимаемой безопасности и воспринимаемой проницаемости социальных границ в различном социокультурном контексте.

Воспринимаемая проницаемость социальных границ как индикатор инклюзивности общества

Под проницаемостью социальных границ в психологии обычно подразумевают принципиальную возможность людей или групп преодолевать, смягчать или устранять границы между социальными группами (Tajfel, Turner, 2004), в том числе этнокультурными. С позиции принимающего общества проницаемость социальных границ описывает желательность включения представителей другой группы, а с позиции меньшинства — принципиальную (воспринимаемую) возможность инклюзии в обществе (Johnson et al., 2005; Verkuyten, Reijerse, 2008).

Как правило, если социальные границы видятся проницаемыми, представители групп более активно взаимодействуют (Piontkowski et al., 2000), что позволяет улучшить межгрупповые отношения (Loh et al., 2010), снизить уровень воспринимаемой дискриминации и повысить психологическое благополучие (Bourguignon et al., 2015). Непроницаемые социальные границы, напротив, отражают исключаящую направленность социокультурного кон-

текста и ассоциируются с негативным образом представителей аутгруппы (Echabe, Castro, 1996), то есть этнокультурных меньшинств.

Рассмотрение воспринимаемой проницаемости социальных границ в качестве индикатора инклюзивности общества базируется на идее о последствиях социальной категоризации. Процесс социальной категоризации, то есть отнесения себя и других людей к определенным категориям, является неизбежным. Однако, благодаря тому что определенные категории оказываются более инклюзивными, возможно провести пересмотр воспринимаемых групповых границ (Gaertner & Dovidio, 2005). Это актуализирует вопрос взаимосвязи социальных идентичностей и проницаемости социальных границ.

Социальные идентичности и проницаемость социальных границ

Социальные идентичности, отражающие факт воспринимаемого членства в социальной группе, а также его эмоциональную и ценностную оценку (Tajfel, Turner, 2004), могут играть инклюзивную или эксклюзивную (исключающую) роль в определенном контексте (Лепشوкова, Лебедева, 2022). Действительно, однородность и сходство между группами, позволяющие рассматривать их в рамках одной или близких категорий, способствуют проницаемости социальных границ и снижению предрассудков (Zhang, 2014).

Было обнаружено, что выраженная этническая идентичность может служить разобщающим фактором и приводить к установкам на исключение мигрантов (Morrison et al., 2010). Гражданская идентичность способствует доверию принимающему обществу по всем аспектам и, таким образом, сплоченности и инклюзивности (Breidahl, Gustavsson, 2022). А надэтническая/наднациональная идентификация с Европой положительно взаимосвязана с более инклюзивным отношением к мигрантам (Curtis, 2014) и отрицательно связана с предрассудками (Stone, Crisp, 2007).

Следовательно, для этнических меньшинств проницаемость социальных границ общества может зависеть от того, насколько открытым и включающим является подход общества к различным формам идентичности. Повышение проницаемости границ может происходить через уважение к этническим различиям, укрепление гражданской и наднациональной идентичности, а также создание условий для взаимодействия и интеграции различных групп в обществе. При этом, согласно теории интегральной угрозы, люди готовы принимать других, когда у них есть базовое чувство безопасности в межгрупповых отношениях. И напротив, ощущение собственной угрозы будет приводить к предрассудкам и дискриминации (Stephan et al., 2005).

Воспринимаемая безопасность и проницаемость социальных границ: роль социальных идентичностей

В контексте гипотезы межкультурных отношений воспринимаемая безопасность и ее антипод — воспринимаемая угроза относятся к ощущению индивидами или группами своего собственного безопасного пространства во взаимодействии с представителями других культур или этнических групп. Воспринимаемая угроза бывает нескольких типов и отражается в страхах, связанных с потерей культурного наследия, с ухудшением экономического состояния, с пониженным ощущением физической безопасности (антипод — личная безопасность). Согласно гипотезе мультикультурализма, воспринимаемая безопасность связана с более позитивными межкультурными

ми отношениями (Berry, 2013), в частности, она приводит к толерантности и поддержке мультикультурной идеологии и ориентации на интеграцию этнокультурных меньшинств. Множество исследований эмпирически подтвердили эту гипотезу на выборках этнокультурного меньшинства и большинства (Коджа, 2019; Kruusvall et al., 2009; Lebedeva et al., 2016).

Ряд исследований рассматривает взаимосвязь воспринимаемой безопасности и социальных идентичностей. При этом результаты характеризуются разнородностью. В одних исследованиях воспринимаемая безопасность способствует выраженной этнической идентичности (Zinchenko et al., 2019), в других — воспринимаемая угроза способствует гражданской и европейской идентичности (Baydhowi et al., 2023; Matonyte, Morkevičius, 2013). То есть и ощущение безопасности, и ощущение угрозы может стимулировать социальные идентичности. Однако, так как исследований по данному вопросу критически мало, невозможно экстраполировать эти выводы на этническое меньшинство и разные социокультурные контексты.

Постсоветское пространство: социокультурный контекст изучаемых стран

Армения является практически моноэтническим государством, этнокультурные меньшинства составляют менее 2 % населения, при этом русские — второе по величине этнокультурное меньшинство — менее 1 % населения Армении. Несмотря на такую малую представленность русских, межэтнические отношения в стране остаются позитивными (Kurkchiyan, Herzig, 2004). По крайней мере, частично это можно объяснить общим советским прошлым, которое позитивно сказалось на развитии армянской идентичности, стремлении сохранять и передавать потомкам коллективную память об армянской культуре, так что «советский» и «армянский» в прошлом часто были неотделимыми друг от друга (Bayadyan, 2007). При этом благоприятное положение советско-славянских этнокультурных меньшинств, и в частности, русских отражает их статус «наследника» Советского Союза (Schulze, 2017). Русский язык имеет особый статус и выполняет культурно-цивилизационную функцию и функцию межкультурной коммуникации, так как более половины населения страны владеет русским языком.

Русские в **Казахстане** представляют самое крупное этнокультурное меньшинство и составляют около 15 % всего населения. Как и в других странах постсоветского пространства, их количество в республике значительно сократилось после распада Советского Союза (Карабев, Котенко, 2015). При этом исследователи отмечают, что для русских в Казахстане также очень важно «оставаться русскими», «жить русской культурой»; в частности, исповедовать православие и говорить на русском языке (Свинчукова, 2012). Русским языком владеет большая часть населения страны, и даже в ряде государственных организаций активно используют русский язык (Melich, Adibayeva, 2013). Таким образом, вопрос языка не становится разобщающим фактором. И хотя сами русские оценивают благоприятность межэтнических отношений в стране ниже, чем казахи, и в большинстве случаев русские скорее исключены из политической жизни страны (Peugrouse, 2007), в целом государственная политика нацелена на межэтническое согласие и интеграцию (Мухитденова, Ақболат, 2015).

Постсоветский период в **Эстонии** характеризуется усилением раскола между эстонским обществом и русскоязычными группами. Русские состав-

ляют около четверти населения и являются наиболее представленным в стране этническим меньшинством в Эстонии. В связи с тем, что русские сталкиваются с проблемами, связанными со статусом русского языка и дискриминацией (Włodarska-Frykowska, 2016), межэтнические отношения в стране остаются сложными. Присутствует сильное ассимиляционное давление, которое в том числе сказывается на чувстве принадлежности русских к Эстонии (The Russian Second Generation..., 2011). То есть положение русских изменилось от представителей национального большинства к относительно ограниченному в возможностях этническому меньшинству. Эстонская политика «интеграции» оказалась ограничена языковым, политическим и социально-экономическим участием меньшинств; однако проблема культурного сохранения не была решена. Все эти факторы привели к тому, что русское этническое меньшинство опасается групповой несправедливости и обесценивания своей идентичности (Kus et al., 2013; Ward, 2024). Однако, как считают исследователи, в последние десятилетия (до начала специальной военной операции) в межкультурных отношениях наметился определенный прогресс (Shlapentokh, 2018).

Наконец, в *Кыргызстане* русские составляют 5 % от населения страны, хоть и являются третьей по величине этнической группой. При этом межкультурные отношения в стране остаются неоднозначными. С одной стороны, русский язык сохраняет статус государственного и почти треть населения использует его в качестве языка общения (Галяпина, 2021). С другой стороны, более половины русских сообщают о высокой межэтнической напряженности (Чоталева, 2013). Негативный фон межкультурных отношений и разделенность этнических большинства и меньшинства связаны в том числе с подчеркиванием различий между этническими группами, и мерами по усилению этнической идентичности кыргызского большинства (Agadjanian, 2020).

Можно сделать вывод о том, что социокультурные контексты рассматриваемых стран отличаются по ряду признаков. Во-первых, это представленность русских, которая невелика в Кыргызстане и Армении, но достаточно высокая в Эстонии и Казахстане. Во-вторых, это благоприятность государственной политики по отношению к русскому этнокультурному меньшинству, русскому языку и культуре, а также степень напряженности межкультурных отношений в стране. Так, Эстония и Кыргызстан, скорее, характеризуются напряженными межкультурными отношениями с русскими и более ассимиляционистской политикой, в то время как Армения и Казахстан, скорее, тяготеют к более позитивным отношениям с русскими и стремлением к интеграции. Помимо этого, конечно, важны культурная дистанция и общее «сходство» групп. Так, например, в Казахстане и Кыргызстане, чья цивилизационная идентичность – тюркская, наднациональная европейская идентичность русских, скорее, будет увеличивать культурную дистанцию и различия между группами. Из-за данных различий разные социальные идентичности могут играть инклюзивную или эксклюзивную роль для русских в этих странах.

Таким образом, на основании заданной теоретической рамки и рассмотрения социокультурного контекста можно выдвинуть следующие гипотезы и исследовательские вопросы.

Гипотеза 1: Воспринимаемая безопасность позитивно связана с проницаемостью социальных границ для русских в рассматриваемых странах.

Исследовательский вопрос 1: Какие из социальных идентичностей (этническая, гражданская, европейская) являются инклюзивными, а какие эксклюзивными для русских в рассматриваемых странах?

Исследовательский вопрос 2: Какова роль социальных идентичностей во взаимосвязи воспринимаемой безопасности и воспринимаемой проницаемости социальных границ для русских в рассматриваемых странах?

Процедура и методы исследования

Для данного исследования была сформирована **выборка** из 765 респондентов, которые являются представителями русского этнического меньшинства в различных странах: Армении (145 человек, включая 85 женщин; средний возраст 37,91 года, стандартное отклонение 13,98), Казахстане (133 человека, включая 90 женщин; средний возраст 36,45 года, стандартное отклонение 13,92), Эстонии (186 человек, включая 131 женщину; средний возраст 32,37 года, стандартное отклонение 15,95) и Кыргызстане (300 человек, включая 196 женщин; средний возраст 35,56 года, стандартное отклонение 17,4). Таким образом, в данной выборке преобладают женщины. В каждой из указанных стран более 70 % респондентов трудоустроены и более 50 % исповедуют православие.

Исследование было организовано с использованием **кросс-секционного неэкспериментального дизайна**. Выборка респондентов представляет собой «удобную» выборку (в нее вошли откликнувшиеся на просьбу поучаствовать в исследовании). Сбор данных осуществлялся в рамках онлайн-опроса, проводившегося на платформе Ika в формате социально-психологического исследования. Потенциальные участники были приглашены принять участие и заполнить анкету путем личных приглашений через электронную почту, значительную поддержку в распространении приглашений оказали зарубежные университеты-партнеры. Каждый респондент перед началом заполнения анкеты ознакомился с формой информированного согласия, приступал к заполнению только при согласии с представленными условиями.

Исследовательский инструментарий включал пять шкал, сформированных по принципу шкалы Ликерта, а также несколько вопросов о социально-демографических характеристиках респондентов. Сведения о надежности инструментария приведены в таблице.

Уровень воспринимаемой безопасности представителей русского этнического меньшинства оценивался при помощи соответствующей шкалы из опросника международного проекта MIRIPS «Взаимные межкультурные отношения в поликультурных обществах» (MIRIPS questionnaire), адаптированной для использования на русском языке в предшествующих исследованиях и сокращенной в рамках работы над научным проектом «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта». Короткая шкала включает 6 пунктов-утверждений, три прямых и три обратных пункта о безопасности или присутствии угроз физических, экономических и культурных. В рамках данного исследования были использованы три прямых и одно обратное утверждение (пункты 1, 4, 5 и 6 шкалы), так как именно такая комбинация давала наибольшую надежность инструмента во всех странах. Пример вопроса из этой шкалы: «В ... есть место разнообразию языков и культур», варианты ответа по шкале от 1 — абсолютно не согласен(а) до 5 — абсолютно согла-

сен(а). В силу небольшого количества пунктов в использованной версии шкалы показатель рассчитывался по всей шкале (как среднее арифметическое ответов респондента) без выделения субшкал.

Для оценки выраженности *гражданской и этнической идентичностей* также были применены шкалы из опросника MIRIPS, переведенные и адаптированные для использования на русском языке (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009). Выраженность европейской идентичности оценивалась при помощи шкалы над-этнической идентичности, разработанной на основе шкал из опросника MIRIPS (Velkova, 2020). Каждая из шкал содержит по четыре пункта-утверждения, оценивающих когнитивный и аффективный аспекты самоидентификации себя с определенной группой. Примеры вопросов: «Я считаю себя ...», «Я ощущаю себя частью ... культуры»; вместо пропусков указывается русская группа (для этнической идентичности), группа большинства в конкретной стране (для гражданской идентичности), над-этническая группа (европейская для европейской идентичности). Варианты ответа по шкале от 1 — абсолютно не согласен(а) до 5 — абсолютно согласен(а). Показатель по каждой шкале рассчитывался как среднее арифметическое ответов респондента без выделения субшкал.

Степень *воспринимаемой проницаемости социальных границ* общества для русских оценивалась при помощи шкалы проницаемости социальных границ (Ramos et al., 2016). Инструмент ранее был переведен на русский язык и адаптирован для применения в исследовании межкультурных отношений (Бульцева и др., 2021). Респондентам нужно было оценить, насколько сложно русскому человеку включиться в общество определенной принимающей страны, используя шкалу от 1 — очень трудно до 5 — очень легко. Пример утверждения: «Стать полноправным членом различных ... групп (дружеских, профессиональных и прочих) для русского человека в ...». Вместо пропуска указывались группы большинства и название страны. Показатель по шкале рассчитывался как среднее арифметическое ответов респондента.

Математико-статистическая обработка данных выполнялась с использованием программы SPSS и дополнения к ней AMOS (версия 22). Произведена предварительная фильтрация данных для удаления некорректно заполненных анкет. Затем были рассчитаны описательные статистики и установлена согласованность шкал (коэффициент α Кронбаха). Проведены сравнения выраженности изучаемых феноменов у представителей разных стран (ANOVA, пост-хок тесты Тьюки) и проанализированы различия в выраженности разных социальных идентичностей среди представителей каждой страны (Т-критерий Стьюдента для связанных выборок). Для проверки гипотезы и поиска ответов на исследовательские вопросы был проведен регрессионный анализ в SPSS, а также построены структурные уравнения с применением процедуры бутстреппинга и оценкой непосредственных медиационных эффектов в AMOS.

Результаты исследования

Анализ выраженности изучаемых феноменов

Описательные статистики по изучаемым конструктам в межкультурном разрезе приведены в таблице. Межкультурные сравнения (ANOVA,

постхок тесты Тьюки) показали, что между странами существуют значимые различия. Во-первых, в рассматриваемых странах значимо отличается уровень проницаемости воспринимаемых социальных границ принимающего общества для русских ($F = 15,72, p < 0,01$). В частности, в Кыргызстане и Эстонии проницаемость социальных границ примерно одинакова и значимо ниже, чем во всех остальных странах. В-вторых, были обнаружены различия и в воспринимаемом уровне безопасности ($F = 36,79, p < 0,01$): в Кыргызстане он значимо меньше, чем в других странах. В-третьих, были обнаружены также различия в выраженности социальных идентичностей: гражданской идентичности ($F = 51,95, p < 0,01$) и европейской идентичности ($F = 54,46, p < 0,01$). Оказалось, что у русских Армении самый низкий уровень гражданской идентичности, значимо выше он у русских Кыргызстана, и еще выше у русских в остальных странах. При этом у русских в Армении, Кыргызстане и Казахстане примерно одинаковый уровень европейской идентичности, который значимо ниже, чем у русских в Эстонии. Таким образом, особенности рассмотренных стран действительно сказываются на самоопределении русских проживающих в данных странах и их восприятии социокультурного контекста.

Внутристрановые сравнения социальных идентичностей (Т-тест Стьюдента для связанных выборок, попарные сравнения) показали, что в тех странах, где русских мало, этническая идентичность более выражена, чем гражданская идентичность: в Армении ($T = 9,96, p < 0,01$), в Кыргызстане ($T = 12,09, p < 0,01$). Во всех рассматриваемых странах этническая идентичность более выражена, чем европейская идентичность: в Армении ($T = 13,06, p < 0,01$), в Казахстане ($T = 13,13, p < 0,01$), в Эстонии ($T = 2,52, p < 0,05$) и в Кыргызстане ($T = 19,26, p < 0,01$). При этом в ряде стран гражданская идентичность также более выражена, чем европейская идентичность: в Казахстане ($T = 11,18, p < 0,01$), в Кыргызстане ($T = 7,98, p < 0,01$). Таким образом, в целом европейская идентичность является менее выраженной, а значимость этнической и гражданской идентичности зависят от контекста конкретной страны.

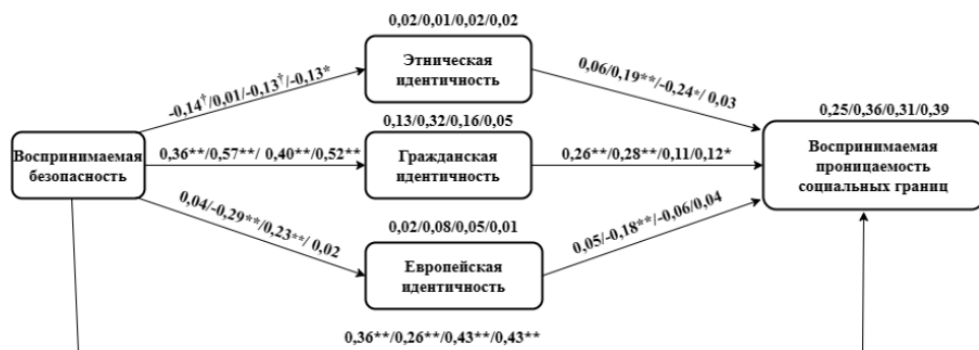
Описательные статистики и надежность использованного инструментария в разных странах

Конструкты	Казахстан		Эстония		Армения		Кыргызстан		ANOVA
	М (σ)	α	М (σ)	α	М (σ)	α	М (σ)	α	
Проницаемость границ	3,33 (0,78)	0,89	2,85 (0,79)	0,86	3,22 (0,95)	0,90	2,84 (0,84)	0,86	15,72 ($p < 0,01$)
Воспринимаемая безопасность*	3,54 (0,76)	0,67	3,55 (0,73)	0,64	3,44 (0,77)	0,52	2,93 (0,78)	0,54	36,79 ($p < 0,01$)
Этническая идентичность	4,07 (0,81)	0,84	4,02 (0,95)	0,89	4,19 (1,01)	0,88	4,30 (0,78)	0,86	2,58 ($p > 0,05$)
Гражданская идентичность	4,04 (0,81)	0,85	3,78 (0,93)	0,85	2,67 (1,23)	0,92	3,48 (0,93)	0,85	51,95 ($p < 0,01$)
Европейская идентичность	2,61 (1,06)	0,96	3,89 (0,91)	0,89	3,22 (0,95)	0,96	2,82 (1,26)	0,95	54,46 ($p < 0,01$)

Примечание. * Так как по шкале воспринимаемой безопасности были получены низкие показатели согласованности по критерию α Кронбаха, что связано с небольшим количеством пунктов в опроснике, то далее согласно рекомендациям (Pallant, 2020) были рассчитаны коэффициенты корреляции между пунктами шкалы: в Эстонии от 0,23 до 0,44, в Казахстане от 0,19 до 0,57, в Армении от 0,17 до 0,31, в Кыргызстане от 0,16 до 0,39 (все взаимосвязи значимые).

Результаты регрессионного и путевого анализа

Результаты путевого анализа в сводном виде представлены на рисунке.

Модель взаимосвязи воспринимаемой безопасности, социальных идентичностей и воспринимаемой проницаемости социальных границ для русских в Армении / Казахстане / Эстонии / Кыргызстане

Примечание. $\dagger p < 0,1$; $*$ $p < 0,05$; $** p < 0,01$.

Армения. Результаты регрессионного анализа демонстрируют, что воспринимаемая безопасность способствует восприятию социальных границ армянского общества как более проницаемых ($F = 34,33$, $R^2 = 0,19$, $\beta = 0,44$, $p < 0,01$). Это подтверждает первую гипотезу для русских в Армении. Согласно результатам анализа построенной путевой модели ($CMIN/df = 0,49$, $CFI = 0,99$, $RMSEA = 0,01$, $PClose = 0,73$), воспринимаемая безопасность способствует более высокой воспринимаемой проницаемости социальных границ армянского общества для русских, более выраженной гражданской идентичности, а также препятствует (на уровне тенденции) этнической идентичности русских (рисунок). При этом гражданская идентичность способствует восприятию социальных границ армянского общества как более проницаемых. Обнаружен также значимый не прямой медиационный эффект воспринимаемой безопасности через гражданскую идентичность ($\beta = 0,09$, $p = 0,02$). Таким образом, именно гражданская идентичность русских в Армении играет инклюзивную роль.

Казахстан. Результаты регрессионного анализа демонстрируют, что воспринимаемая безопасность способствует восприятию социальных границ казахского общества как более проницаемых ($F = 36,91$, $R^2 = 0,22$, $\beta = 0,47$, $p < 0,01$). Это подтверждает первую гипотезу для русских в Казахстане. Согласно результатам анализа построенной путевой модели ($CMIN/df = 0,72$, $CFI = 0,99$, $RMSEA = 0,01$, $PClose = 0,59$), воспринимаемая безопасность способствует более высокой воспринимаемой проницаемости социальных границ армянского общества для русских, более выраженной гражданской идентичности, а также препятствует европейской идентичности русских (рисунок). При этом этническая и гражданская идентичность способствуют, а европейская идентичность препятствует восприятию социальных границ казахского общества как более проницаемых. Обнаружены также значимые не прямые медиационные эффекты воспринимаемой безопасности через гражданскую идентичность ($\beta = 0,16$, $p = 0,01$) и европейскую идентичность ($\beta = 0,59$, $p = 0,04$). Таким образом, гражданская идентичность русских в Казахстане играет инклюзивную роль, а европейская идентичность отделяет их

от принимающего общества. Интересно, что этническая идентичность хотя и не зависит от воспринимаемой безопасности, тоже позитивно сказывается на восприятии социальных границ как более проницаемых.

Эстония. Результаты регрессионного анализа демонстрируют, что воспринимаемая безопасность способствует восприятию социальных границ эстонского общества как более проницаемых ($F = 59,31$, $R^2 = 0,24$, $\beta = 0,49$, $p < 0,01$). Это подтверждает первую гипотезу для русских в Эстонии. Согласно результатам анализа построенной путевой модели ($CMIN/df = 1,62$, $CFI = 0,99$, $RMSEA = 0,06$, $PClose = 0,34$), воспринимаемая безопасность способствует более высокой воспринимаемой проницаемости социальных границ армянского общества для русских, более выраженным гражданской идентичности, и европейской идентичности, а также препятствует этнической идентичности русских (на уровне тенденции) (рисунок). При этом именно этническая идентичность препятствует восприятию социальных границ эстонского общества как более проницаемых. Обнаружен также значимый не прямой медиационный эффект воспринимаемой безопасности через этническую идентичность ($\beta = 0,05$, $p = 0,04$). Таким образом, социальные идентичности в Эстонии не играют инклюзивной роли, а этническая идентичность отделяет русских от принимающего общества.

Кыргызстан. Результаты регрессионного анализа демонстрируют, что воспринимаемая безопасность способствует восприятию социальных границ кыргызского общества как более проницаемых ($F = 78,12$, $R^2 = 0,21$, $\beta = 0,46$, $p < 0,01$). Это подтверждает первую гипотезу для русских в Кыргызстане. Согласно результатам анализа построенной путевой модели ($CMIN/df = 2,74$, $CFI = 0,98$, $RMSEA = 0,07$, $PClose = 0,22$), воспринимаемая безопасность способствует более высокой воспринимаемой проницаемости социальных границ кыргызского общества для русских, более выраженной гражданской идентичности, а также препятствует этнической идентичности русских (рисунок). При этом гражданская идентичность способствует восприятию социальных границ кыргызского общества как более проницаемых. Обнаружен также значимый не прямой медиационный эффект воспринимаемой безопасности через гражданскую идентичность ($\beta = 0,03$, $p = 0,03$). Таким образом, именно гражданская идентичность русских в Кыргызстане играет инклюзивную роль.

Обсуждение

При проведении данного исследования мы стремились выявить комплексные взаимосвязи воспринимаемой безопасности, социальных идентичностей и воспринимаемой проницаемости социальных границ для русских в четырех странах постсоветского пространства. По итогам анализа результатов прошлых исследований и характеристик социокультурных контекстов были сформулированы гипотеза и два исследовательских вопроса.

Гипотеза о том, что воспринимаемая безопасность способствует воспринимаемой проницаемости социальных границ для русских подтвердилась в каждой из рассматриваемых стран: Армении, Казахстане, Эстонии и Кыргызстане. Когда представители русского этнического меньшинства в этих странах ощущают, что они находятся в безопасном и поддерживающем окружении, они могут быть более склонными к взаимодействию с представителями большинства и преодолению границ между ними. Этот

результат перекликается с тем, что воспринимаемая безопасность способствовала предпочтению стратегии интеграции среди русских этнокультурных меньшинств в Дагестане, Грузии и Таджикистане (Berry et al., 2019; Galyapina et al., 2021). На самом деле, страны с более выраженной политической мультикультурализмом и более высоким уровнем принятия иммигрантов имеют более высокие показатели социокультурной интеграции (Ward, 2024). При этом интересно, что, например, в исследовании русского этнического меньшинства в Латвии воспринимаемая безопасность негативно связана с интенсивностью контактов с представителями этнического большинства (Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016). Это указывает на необходимость дальнейших исследований проницаемости социальных границ и связанных с ней переменных в каждом конкретном социокультурном контексте. Кроме того, важно учитывать, что межкультурные отношения – динамичный процесс, и не только воспринимаемая безопасность может сказываться на проницаемости социальных границ, но и наоборот, проницаемость социальных границ может способствовать формированию более толерантных и безопасных общественных структур. Когда границы между группами становятся более проницаемыми, это может создать возможность для взаимодействия, взаимопонимания и сотрудничества между различными социальными группами, что в итоге может способствовать укреплению общего чувства безопасности и принадлежности.

По итогам исследования был получен ответ на исследовательский вопрос о том, какие из социальных идентичностей (этническая, гражданская, европейская) являются инклюзивными, а какие эксклюзивными для русских в рассматриваемых странах. Так, оказалось, что гражданская идентичность играет инклюзивную роль в трех из четырех рассмотренных стран (за исключением Эстонии). Европейская идентичность способствует проницаемости социальных границ в Армении, но препятствует в Казахстане. Этническая идентичность имеет консолидирующее значение в Казахстане, но препятствует проницаемости социальных границ в Эстонии. Таким образом, инклюзивная роль гражданской идентичности была обнаружена в большинстве контекстов, в то время как роль этнической и европейской идентичностей зависит от благоприятности межкультурных отношений в стране и культурной близости между русскими, принимающим обществом и европейцами. Интересно, что в теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 2004) предполагается обратное направление взаимосвязи рассматриваемых конструктов. Степень проницаемости социальных границ сказывается на формировании социальных идентичностей и связанного с этим поведения: индивидуальной мобильности (попытки получить членство в новой группе), межгрупповой конкуренции в обществе (попытки защищать интересы собственной группы), социальной креативности (рекатегоризация, декатегоризация, пересмотр установок и т. д.). В будущих исследованиях было бы интересно рассмотреть идентичности именно в динамике и на стратегии реагирования русских на проницаемость социальных границ для них.

Также благодаря построению путевых моделей был обнаружен ответ на исследовательский вопрос о том, какова роль социальных идентичностей во взаимосвязи воспринимаемой безопасности и воспринимаемой проницаемости социальных границ для русских в рассматриваемых странах. Обсуждение этих результатов необходимо рассматривать в двух направлениях –

во-первых, сделать акцент на связи воспринимаемой безопасности с идентичностями, во-вторых, обратить внимание на выявленные медиационные (непрямые) эффекты.

Так, в отличие от прошлых исследований, не рассматривавших этнокультурные меньшинства (Baydhowi et al., 2023; Matonyte, Morkevičius, 2013), было обнаружено, что воспринимаемая безопасность способствует гражданской идентичности во всех рассмотренных странах, европейской идентичности в Эстонии, где она может являться основанием для рекатегоризации. Некоторые авторы даже отмечают, что в Эстонии формируется новая гибридная модель интеграции, состоящая в том, что русские включаются в эстонское общество, а эстонское общество постепенно интегрируется в европейское сообщество (Laitin, 2003). Взаимосвязь воспринимаемой безопасности с этнической идентичностью оказалась отрицательной в странах с напряженными межкультурными отношениями (Кыргызстан, Эстония) и в Армении, где русских мало. Это может указывать на то, что этническая идентичность является не столько ответом на возможность сохранения своей культуры, сколько способом совладения с ассимиляционистским давлением и способом сохранить себя при отсутствии возможности включиться в русское сообщество в стране в связи с его непредставленностью. Отрицательная связь между воспринимаемой безопасностью и этнической идентичностью русских, проживающих в Эстонии, Армении и Кыргызстане, может объясняться также тем, как русские и отношение к ним представлены в медийном и общественном дискурсе; особенно в более широком контексте международных отношений. В предыдущих исследованиях отмечалось, что в Эстонии современная Россия по-прежнему ассоциируется с воспоминаниями о Советском Союзе, что приводит к негативному восприятию русской идентичности со стороны принимающего населения и, следовательно, влияет на русское население в стране (Kus, Liu, Ward, 2013). Данная логика условно может быть распространена и на две другие страны, хотя история их взаимоотношений с Россией несколько отличается. В целом подобная логика объяснения взаимосвязи через представленность русских в стране и взаимоотношения между государствами и народами согласуется с общим выводом исследователей о том, что выраженность идентичности, в зависимости от воспринимаемой безопасности, может увеличиваться или снижаться в зависимости от контекста и личностных особенностей (Albert, Schneeweis, Knobbe, 2005).

Что касается выявленных медиационных эффектов, оказалось, что воспринимаемая безопасность способствует восприятию социальных границ как более проницаемых частично за счет того, что связана с большей выраженностью инклюзивных идентичностей (гражданской в Армении, Казахстане и Кыргызстане, европейской в Армении), а также с меньшей выраженностью эксклюзивных идентичностей (этнической в Эстонии и европейской в Казахстане). Таким образом, восприятие безопасности контекста, процессы самоидентификации и оценка проницаемости социальных границ взаимодействуют, формируя социальную среду, которая может быть более благоприятной для развития позитивных межгрупповых отношений и укрепления общего чувства безопасности и принадлежности.

Практическую значимость полученных результатов можно рассматривать по трем широким направлениям. Во-первых, они указывают на необ-

ходимость продвижения гражданской идентичности среди русских меньшинств для усиления их социальной интеграции. Это может включать программы гражданского образования, поощрение участия русских в национальных праздниках, посвященных общей истории. Подобные программы, которые поощряют русские меньшинства к участию в национальных мероприятиях, могут способствовать укреплению чувства принадлежности, улучшая воспринимаемую социальную интеграцию. Например, исследование, проведенное в Дании, показало, что участие в общественных мероприятиях, в том числе в национальных праздниках, влияло на социальное доверие и чувство гражданской идентичности среди этнических меньшинств (Dinesen, Sønderskov, 2015).

Во-вторых, полученные результаты указывают на важность адаптации инициатив по поводу этнической и гражданской идентичности к национальным контекстам. Мы обнаружили, что этническая идентичность имеет противоположные эффекты в разных странах — способствуя проницаемости границ в Казахстане и препятствуя ей в Эстонии. Это указывает на то, что политика, способствующая этнической идентичности, должна быть тщательно адаптирована к конкретному контексту. В Эстонии было бы более полезно подчеркнуть общую гражданскую идентичность, а не этническую идентичность, чтобы способствовать социальной интеграции. Напротив, в Казахстане инициативы, которые уважают и подчеркивают этническую идентичность, могут способствовать лучшей интеграции русских меньшинств.

В-третьих, полученные результаты можно использовать как обоснование необходимости укрепления социальной безопасности и разработки политик, ориентированных на уменьшение барьеров между этническими группами. Это можно реализовать через образовательные кампании или общественные форумы, где подчеркиваются меры по обеспечению безопасности всех граждан, включая меньшинства, а также за счет борьбы с дискриминацией и обеспечения справедливого отношения. Подобные меры по улучшению восприятия безопасности среди русскоязычных меньшинств могут привести к снижению социальной изоляции и укреплению взаимосвязи с основным населением, повышению общей сплоченности общества.

Ограничения проведенного исследования связаны с кросс-секционным не-экспериментальным дизайном, несбалансированностью выборки, а также периодом проведения исследования. Кроме того, инструментарий, использованный для оценки воспринимаемой безопасности, показал недостаточно высокие показатели внутренней согласованности, что может быть связано с небольшим количеством пунктов в шкале. В дальнейших работах было бы полезно использовать не сокращенную, но полную версию шкалы воспринимаемой безопасности, а также рассмотреть безопасность и небезопасность в контексте присутствия разных типов угроз с их дифференциацией по субшкалам инструментария. В текущих обстоятельствах, связанных со специальной военной операцией, притоком русских мигрантов в страны постсоветского пространства и неоднозначностью реакций со стороны государств, важно отследить динамику проницаемости социальных границ для русских, степень инклюзивности контекста для русских этнокультурных меньшинств и новых русских мигрантов, а также факторы, способствующие социокультурной и психологической адаптации русских в современных условиях. Кроме того, дальнейшие исследования важно проводить, учиты-

вая гендерные и межпоколенные различия. Понимание политических и социальных условий в принимающей стране имеет решающее значение для интеграции среди меньшинств и иммигрантов (Ward, 2024). Однако определенный интерес с научной и практической точки зрения представляет изучение также влияния мер государственной политики и поддержки со стороны России на положение русских в странах постсоветского пространства. Так, например, исследования показывают, что государственная политика России, направленная на развитие и поддержание «Русского мира», способствует усилению этнической идентичности русских в Эстонии и их сплочению на основании общности историко-культурного наследия и использования русского языка (Kallas, 2016). Перспективным кажется изучение понимания концепции и последствий «Русского мира» и в других странах этого региона.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов относительно детерминантов проницаемости социальных границ для русских на постсоветском пространстве. Так, воспринимаемая безопасность социокультурного контекста способствует проницаемости социальных границ для русских во всех исследованных странах.

Однако существует некоторая культурная специфика в том, как эта связь реализуется через формирование определенных социальных идентичностей. В основном это происходит через формирование инклюзивной идентичности, подчеркивающей общность между русскими и этническим большинством конкретной страны, или снижение эксклюзивной идентичности. В странах с позитивными межкультурными отношениями такой инклюзивной идентичностью выступает гражданская идентичность, как было продемонстрировано на примерах Казахстана и Армении. При этом в странах, культурно далеких и имеющих другую цивилизационную идентичность, европейская идентичность, наоборот, может разъединять русских и принимающее общество и препятствовать проницаемости социальных границ, как, например, в Казахстане.

Особый интерес представляют результаты о роли этнической идентичности. Было выяснено, что ощущение небезопасности стимулирует этническую идентичность в тех странах, где русских мало (Армения, Кыргызстан) или межкультурные отношения остаются достаточно напряженными (Кыргызстан, Эстония). При этом в Казахстане, где русских много, а межкультурные отношения более позитивные, этническая идентичность способствует проницаемости социальных границ общества для русских, а в Эстонии, где русских много, а межкультурные отношения более напряженные – препятствует.

Данные выводы могут быть полезны при оценке общей инклюзивности социокультурного контекста рассмотренных стран и разработке государственных политик, помогающих русским интегрироваться в принимающие общества. Акцент должен быть сделан на формировании условий, порождающих чувство безопасности и формирующих общую объединяющую идентичность с представителями принимающего общества. При этом важно учитывать особенности конкретной страны, так как эффекты социальных идентичностей имеют свою специфику в каждой из них.

Список литературы

- Бульцева М.А., Бушина Е.В., Берберян А.С., Коджа Е.А. Роль советской идентичности во взаимосвязи мультикультурализма и проницаемости социальных границ для русских в Армении // *Культурно-историческая психология*. 2021. Т. 17. № 4. С. 56–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170406>
- Галяпина В.Н. Аккультурационные установки и психологическое благополучие русских в Кыргызстане и Таджикистане: модерационная роль воспринимаемой безопасности // *Культурно-историческая психология*. 2021. Т. 17. № 4. С. 34–45. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170404>
- Карабеев Д.И., Котенко И.В. Русские и роль русского языка в Казахстане. Страницы истории // Научные чтения имени профессора Н.Е. Жуковского: сборник научных статей V Международной научно-практической конференции «Научные чтения имени профессора Н.Е. Жуковского» 7–18 декабря 2014 года / Министерство обороны Российской Федерации, Филиал ВУНЦ ВВС «ВВА». Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2015. С. 71–76.
- Коджа Е.А., Лебедева Н.М., Галяпина В.Н., Лепшокова З.Х., Рябиченко Т.А. Межкультурные отношения в российском Крыму: эмпирическая проверка трех гипотез // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. Т. 16. № 2. С. 250–268. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-250-268>
- Лепшокова З.Х., Лебедева Н.М. Инклюзивные и эксклюзивные идентичности представителей разных народов России: роль базовых ценностей // *Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах: монография* / отв. ред. В.К. Левашов, Н.Г. Хайруллина. Тюмень: ТюмИУ, 2022. С. 90–105. <https://doi.org/10.46320/9785-9961-2950-8-2022-6-1-17>
- Летняков Д.Э. Управление культурным разнообразием на постсоветском пространстве: «Национализирующие государства» 30 лет спустя // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 2. С. 16–33. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-2-16-33>
- Мухитденова А.Т., Ақболат Д.Е. Межэтнические отношения в Республике Казахстан // *Вестник КазНУ. Серия философии, культурологии и политологии*. 2015. Т. 50. № 1. С. 158–167.
- Свинчукова Е.Г. Русские в Казахстане: влияние казахской культуры на языковое сознание русской диаспоры // *Вопросы психолингвистики*. 2012. № 15. С. 146–155.
- Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сборник научных статей / под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
- Чотаева Ч. Факторы межэтнической напряженности в Кыргызстане в постконфликтный период: результаты этносоциологического исследования // *Центральная Азия и Кавказ*. 2013. Т. 16. № 1. С. 17–39.
- Agadjanian V. Exclusion, violence, and optimism: Ethnic divides in Kyrgyzstan // *Ethnicities*. 2020. Vol. 20. No 3. Pp. 457–480. <https://doi.org/10.1177/1468796819835657>
- Albert R., Schneeweis A., Knobbe I. Strengthening, hiding or relinquishing ethnic identity in response to threat: Implications for intercultural relations // *Intercultural Communication Studies*. 2005. Vol. 14. No 1. Pp. 107–118.
- Bayadyan H. Soviet Armenian identity and cultural representation // *Representations on the Margins of Europe: Politics and Identities in the Baltic and South Caucasian States* / ed. by D. Tsypylma, W. Kaschuba. Frankfurt, New York: Campus Verlag, 2007. Pp. 198–212.
- Baydhowi B., Purwono U., Prathama Siswadi A.G., Ali M.M., Syahputra W., Iskandar T.Z. Perception of threat and national identity: Investigation of the mediating role of collective self-esteem // *Heliyon*. 2023. Vol. 9. No 6. Article number e17207. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e17207>
- Berry J.W. Intercultural relations in plural societies: Research derived from multiculturalism policy // *Acta de Investigación Psicológica*. 2013. Vol. 3. No 2. Pp. 1122–1135. [https://doi.org/10.1016/s2007-4719\(13\)70956-6](https://doi.org/10.1016/s2007-4719(13)70956-6)
- Berry J.W., Galyapina V.N., Lebedeva N.M., Lepshokova Z.Kh., Ryabichenko T.A. Intercultural relations in Georgia and Tajikistan: A post-conflict model // *Психо-*

- логия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 2. С. 232–249. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>
- Bourguignon D., Yzerbyt V.Y., Teixeira C.P., Herman G. When does it hurt? Intergroup permeability moderates the link between discrimination and self-esteem // *European Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 45. No 1. Pp. 3–9. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2083>
- Breidahl K.N., Gustavsson G. Can we trust the natives? Exploring the relationship between national identity and trust among immigrants and their descendants in Denmark // *Nations and Nationalism*. 2022. Vol. 28. No 2. Pp. 592–611. <https://doi.org/10.1111/nana.12834>
- Curtis K.A. Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity // *European Union Politics*. 2014. Vol. 15. No 4. Pp. 521–546. <https://doi.org/10.1177/1465116514528058>
- Dinesen P.T., Sønderskov K.M. Ethnic diversity and social trust: Evidence from the micro-context // *American Sociological Review*. 2015. Vol. 80. No 3. Pp. 550–573. <https://doi.org/10.1177/0003122415577989>
- Echabe A.E., Castro J.L.G. Images of immigrants: A study on the xenophobia and permeability of intergroup boundaries // *European Journal of Social Psychology*. 1996. Vol. 26. No 3. Pp. 341–352. [https://doi.org/10.1002\(sici\)1099-0992\(199605\)26:3<341::aid-ejsp753>3.0.co;2-4](https://doi.org/10.1002(sici)1099-0992(199605)26:3<341::aid-ejsp753>3.0.co;2-4)
- Gaertner S.L., Dovidio J.F. Understanding and addressing contemporary racism: From aversive racism to the common ingroup identity model // *Journal of Social Issues*. 2005. Vol. 61. No 3. Pp. 615–639. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2005.00424.x>
- Galyapina V., Lepshokova Z., Molodikova I. Intercultural relations in Dagestan: The role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation // *Central Asia and The Caucasus*. 2021. Vol. 22. No 1. Pp. 75–90. <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.07>
- Johnson D., Terry D.J., Louis W.R. Perceptions of the intergroup structure and anti-Asian prejudice among white Australians // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2005. Vol. 8. No 1. Pp. 53–71. <https://doi.org/10.1177/1368430205048616>
- Kallas K. Claiming the diaspora: Russia's compatriot policy and its reception by Estonian-Russian population // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2016. Vol. 15. No 3. Pp. 1–25.
- Kruusvall J., Vetik R., Berry J.W. The strategies of inter-ethnic adaptation of Estonian Russians // *Studies of Transition States and Societies*. 2009. Vol. 1. No 1. Pp. 3–24.
- Kurkchian M., Herzig E. Introduction: Armenia and the Armenians // *The Armenians: Past and Present in the Making of National Identity* / Ed. by E. Herzig, M. Kurkchian. London: Routledge, 2004. Pp. 1–22. <https://doi.org/10.4324/9780203004937>
- Kus L., Liu J., Ward C. Relative deprivation versus system justification: Polemical social representations and identity positioning in a post-Soviet society // *European Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 43. No 5. Pp. 423–437. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1958>
- Laitin D.D. Three models of integration and the Estonian/Russian reality // *Journal of Baltic Studies*. 2003. Vol. 34. No 2. Pp. 197–222. <https://doi.org/10.1080/016297703000000041>
- Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berry J.W. Intercultural relations in Russia and Latvia: The relationship between contact and cultural security // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2016. Vol. 9. No 1. Pp. 41–56. <https://doi.org/10.11621/pir.2016.0103>
- Loh J.(M).I., Lloyd D., Restubog S., Gallois C. Attitudinal outcomes of boundary permeability: A comparison of Australian and Singaporean employees // *Cross Cultural Management: An International Journal*. 2010. Vol. 17. No 2. Pp. 118–134. <https://doi.org/10.1108/13527601021038697>
- Matonytė I., Morkevičius V. Threat perception and European identity building: The case of elites in Belgium, Germany, Lithuania and Poland // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. No 6. Pp. 967–985. <https://doi.org/10.1080/09668130903063492>
- Melich J., Adibayeva A. National building and cultural policy in Kazakhstan // *European Scientific Journal*. 2013. Vol. 2. Pp. 265–279.
- MIRIPS Questionnaire // *Mutual Intercultural Relations* / ed. by J.W. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 375–387. <https://doi.org/10.1017/9781316875032.019>

- MM D. Managing Cultural Diversity: inclusive and exclusive approaches. *World Affairs: The Journal of International Issues*, 23(4), 26–35. <https://www.jstor.org/stable/48566195>
- Morrison K.R., Plaut V.C., Ybarra O. Predicting whether multiculturalism positively or negatively influences White Americans' intergroup attitudes: The role of ethnic identification // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Vol. 36. No 12. Pp. 1648–1661. <https://doi.org/10.1177/0146167210386118>
- Pallant J. SPSS survival manual: A step by step guide to data analysis using SPSS (7th ed.). Maidenhead: Open University Press/McGraw-Hill, 2020. <https://doi.org/10.4324/9781003117452>
- Peyrouse S. Nationhood and the minority question in Central Asia. The Russians in Kazakhstan // *Europe-Asia Studies*. 2007. Vol. 59. No 3. Pp. 481–501. <https://doi.org/10.1080/09668130701239930>
- Piontkowski U., Florack A., Hoelker P., Obdržálek P. Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups // *International Journal of Intercultural Relations*. 2000. Vol. 24. No 1. Pp. 1–26. [https://doi.org/10.1016/s0147-1767\(99\)00020-6](https://doi.org/10.1016/s0147-1767(99)00020-6)
- Ramos M.R., Cassidy C., Reicher S., Haslam S.A. A longitudinal study of the effects of discrimination on the acculturation strategies of international students // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2016. Vol. 47. No 3. Pp. 401–420. <https://doi.org/10.1177/0022022116628672>
- Schulze I. A typology of ethnic minorities in Armenia // Iran and the Caucasus. 2017. Vol. 21. No 4. Pp. 362–375. <https://doi.org/10.1163/1573384x-20170403>
- Shlapentokh D. Estonian Russians: The success story of integration // *Trames. Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2018. Vol. 22. No 3. Pp. 231–238. <https://doi.org/10.3176/tr.2018.3.01>
- Stephan W.G., Lausanne Renfro C., Esses V.M., White Stephan C., Martin T. The effects of feeling threatened on attitudes toward immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. No 1. Pp. 1–19. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.04.011>
- Stone C.H., Crisp R.J. Superordinate and subgroup identification as predictors of intergroup evaluation in common ingroup contexts // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2007. Vol. 10. No 4. Pp. <https://doi.org/10.1177/1368430207081537>
- Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // *Political Psychology: Key Readings* / ed. by J.T. Jost, J. Sidanius. New York: Psychology Press, 2004. Pp. 276–293. <https://doi.org/10.4324/9780203505984-16>
- The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve: The TIES Study in Estonia / ed. by R. Vetik, J. Helemäe. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011. 248 p. <https://doi.org/10.5117/9789089642509>
- Velkova K. Multiple identities of Russians and Bulgarians: intercultural comparison // *Psichologicheskie Issledovaniya*. 2020. Vol. 13. No. 73. P. 6 <https://doi.org/10.54359/ps.v13i73.174>
- Verkuyten M., Reijerse A. Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: The interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability // *European Journal of Social Psychology*. 2008. Vol. 38. No 1. Pp. 106–127. <https://doi.org/10.1002/ejsp.395>
- Ward C. Down the rabbit hole: Acculturation, integration and adaptation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2024. Vol. 100. P. 101978. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2024.101978>
- Włodarska-Frykowska A. Ethnic Russian minority in Estonia // *International Studies. Interdisciplinary Political and Cultural Journal*. 2016. Vol. 18. No 2. Pp. 153–164. <https://doi.org/10.1515/ipcj-2016-0015>
- Zhang X., Zheng J., Liu L., Zhao X., Sun X. The effect of group boundary permeability on intergroup prejudice: The case of Rural-to-Urban migrants in China // *Journal of Pacific Rim Psychology*. 2014. Vol. 8. No 2. Pp. 53–61. <https://doi.org/10.1017/prp.2014.7>
- Zinchenko Yu.P., Zotova O.Yu., Tarasova L.V. The status of ethnic identity and psychological security of personality // *Psychology of Subculture: Phenomenology and Contemporary Tendencies of Development. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, Vol. 64. London: Future Academy, 2019. Pp. 799–808. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.07.104>

История статьи:

Поступила в редакцию 3 апреля 2024 г.

Принята к печати 30 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Бульцева М.А., Берберян А.С., Берриос Кальехас С.А. Проницаемость социальных границ для русских на постсоветском пространстве: роль социальных идентичностей и воспринимаемой безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 408–426. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-408-426>

Вклад авторов:

М.А. Бульцева – написание текста, обработка и анализ данных. А.С. Берберян – концепция и дизайн исследования, сбор данных. С.А. Берриос Кальехас – написание, доработка, редактирование текста, перевод.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Бульцева Мария Александровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0002-5899-9916, SPIN-код: 5293-2730. E-mail: mbultseva@hse.ru

Берберян Ася Суменовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии, Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения. ORCID: 0000-0003-0321-0161, SPIN-код: 4171-8178. E-mail: aspsy@inbox.ru

Соня Алехандра Берриос Кальехас, аспирант, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0002-9572-2289. E-mail: soniaberrios@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-408-426

EDN: JFYOWB

UDC 316.61

Research article

The Permeability of Social Boundaries for Russians in the Post-Soviet Space: The Role of Social Identities and Perceived Security

Maria A. Bultseva¹, Asya S. Berberyan², Sonia A. Berrios Callejas¹

¹HSE University,

Moscow, Russian Federation

²Russian-Armenian (Slavonic) University,

Yerevan, Republic of Armenia

 mbultseva@hse.ru

Abstract. Russians are one of the largest ethnocultural minorities in the post-Soviet and the issue of their inclusion in the societies of host countries remains relevant. Therefore, this study was focused on the relationship between perceived security and social identities (civic, ethnic or European) and the perceived permeability of social boundaries for Russians in Armenia, Kazakhstan, Estonia,

and Kyrgyzstan. The study had a cross-sectional design. The data were collected online in 2020–2022, from samples of Russian minorities in these countries (total $N = 765$, including: 145 Russians in Armenia, 133 Russians in Kazakhstan, 186 Russians in Estonia, and 300 Russians in Kyrgyzstan) using the scales of ethnic identity, civic identity and perceived security from the questionnaire of the international MIRIPS project, the scale of European identity developed by K. Velkova, and the scale of permeability of social boundaries by M. Ramos et al. Path models were built to test the hypothesis and find an answer to the research question. The analysis of regression coefficients, as well as direct and indirect effects in the path models, demonstrated a universal positive relationship between perceived security and the perceived permeability of social boundaries for the Russians. The inclusiveness or exclusiveness of a particular identity was found to be culture-specific. Civic identity contributes to the perceived permeability of social boundaries in Armenia, Kazakhstan, and Kyrgyzstan. European identity impedes perceived it in Kazakhstan. Ethnic identity promotes it in Kazakhstan but hinders it in Estonia (at tendency level). In a number of countries, significant mediation effects of ethnic (Estonia), civic (Kazakhstan and Armenia), and European (Kazakhstan) identities were found. The results were discussed in relation to the structural characteristics of the socio-cultural contexts of the studied countries. It was concluded that perceived security would affect the inclusiveness of the context in combination with social identities, depending on the characteristics of the sociocultural context.

Keywords: permeability of social boundaries, ethnic identity, civic identity, European identity, perceived security, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Estonia, Armenia, Russians, post-Soviet space

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Article history:

Received 3 April 2024

Revised 29 April 2024

Accepted 30 April 2024

For citation:

Bultseva, M.A., Berberyan, A.S., & Berrios Callejas, S.A. (2024). The permeability of social boundaries for Russians in the Post-Soviet Space: The role of social identities and perceived security. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 408–426. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-408-426>

Author's contribution:

Maria A. Bultseva – data processing and analysis, text writing. *Asya S. Berberyan* – concept and design of the research, data collection. *Sonia A. Berrios-Callejas* – text writing (editing), translation.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Maria A. Bultseva, PhD in Psychology, Research Fellow, Centre of Sociocultural Research, Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5899-9916, SPIN-code: 5293-2730. E-mail: mbultseva@hse.ru

Asya S. Berberyan, Doctor of Psychology, Professor, Russian-Armenian (Slavonic) University, 123 Hovsep Emin St, 0051, Yerevan, Armenia. ORCID: 0000-0003-0321-0161, SPIN-code: 4171-8178. E-mail: aspsy@inbox.ru

Sonia A. Berrios Callejas, PhD student, Research Intern, Centre of Sociocultural Research, Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9572-2289. E-mail: soniaberrios@mail.ru